

САМОНОМИНАЦИЯ КАК РЕЧЕВОЙ ХОД И РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЕ ЕЮ РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. И. Порхун

Один из подходов к анализу речевой деятельности обусловлен возможностью рассматривать ее как стратегический процесс и, следовательно, как совокупность речевых стратегий, тактик и ходов.

Речевая стратегия – совокупность речевых действий, направленных на достижение той или иной коммуникативной задачи (глобальной задачи, сверхзадачи). Непосредственно наблюдаемым проявлением и элементом речевой стратегии является тактика, которая, в свою очередь, реализуется при помощи речевых ходов, имеющих конкретное языковое воплощение.

Речевой ход «самономинация» заключается в определенном наименовании коммуникантом самого себя, причем подобное наименование всегда эксплицитно.

Следует различать самономинацию и самопрезентацию. Самономинация – это речевой ход, он всегда является эксплицитным. Самопрезентация (имидж, речевое моделирование личности говорящего) – это стратегия или тактика, более широкое понятие, она включает в себя как эксплицитные, так и имплицитные элементы.

Цель исследования – проанализировать лингвистические особенности речевого хода «самономинация», репрезентируемых им речевых тактик в современном русском языке, а также продемонстрировать возможность индуктивного с точки зрения логики подхода к решению ряда вопросов, связанных с анализом речевой деятельности как стратегического процесса (то есть путь «от речевого хода – к тактике и стратегии», а не наоборот).

Материалом исследования послужили примеры, извлеченные из художественных произведений русской литературы (драматургия А. Вампилова, Л. Петрушевской, А. Чехова, В. Розова, Э. Радзинского, Венедикта Ерофеева).

В ходе исследования мы выяснили, что самономинация не является однофункциональным речевым ходом и может репрезентировать разные речевые тактики, а именно: самопрезентация, оправдание и отклонение обвинений, ироничная самопрезентация, эмоционально настраивающие речевые тактики (например, смягчение сказанного), тактики контроля над темой (например, уход от темы), вербальное нападение и угроза, уклонение от последующих действий и обязательств, просьба или приказ, контактоустанавливающая. Кроме того, конкретный речевой ход может представлять одновременно несколько тактик, некоторые из которых яв-

ляются общими (они присутствуют всегда), другие же частными (факкультативными). В нашем случае к первому типу относится тактика самопрезентации, ко второму – все остальные (из вышеперечисленных). Приведем два примера:

Калошин. То есть как?

Виктория. Вот так. Уходите, и все. Как-нибудь без вас обойдемся. Здесь я хозяйка (А. Вампилов «Провинциальные анекдоты»).

Колесов. И потом, мы с вами договорились: день я работаю на вас, день – на себя. Вы что, мне не доверяете?

Золотуев. Не доверяю. Но ты не обижайся. Я никому не доверяю. Я – единственный человек, на которого я еще могу положиться (А. Вампилов «Прощание в июне»).

И в первом, и во втором случае речевой ход «самономинация» представляет общую тактику самопрезентации и одновременно репрезентирует частные тактики: вербальное нападение/ угроза (первый пример) и эмоционально настраивающая тактика (смягчение сказанного) (второй пример).

При взаимодействии стратегических линий коммуникантов появляются потенциально парные речевые ходы, количество которых ограничено. Доказательством может служить обнаруженная нами устойчивая последовательность речевых ходов «номинация – самономинация». Например:

Колесов. Это Золотуев. Тожe хулиган. В общем, шайка-лейка.

Золотуев. Глупости, я человек тихий. (Идет вдоль ограды в сторону) (А. Вампилов «Прощание в июне»)

Речевой ход «самономинация» может вступать с номинацией в разнообразные отношения. Возможны следующие реакции коммуниканта на его номинацию собеседником: согласие, несогласие, ироничное согласие/несогласие, согласие/несогласие + последующее уточнение, самономинация как продолжение номинации. Все вышеперечисленные реакции имеют языковые маркеры. Так, в приведенном выше примере маркерами несогласия являются антонимы «хулиган», «шайка-лейка» и «человек тихий», противопоставление личного местоимения «я» вводному сочетанию с обобщающим значением «в общем» и соединительному союзу «тоже».

Самономинация может быть реакцией коммуниканта как на эксплицитную, так и на имплицитную, находящуюся в прагматической пресуппозиции номинацию, то есть речевой ход в таком случае является маркером пресуппозиции:

Колесов. Ну что, дядя, как коммерция?

Золотуев. Я не коммерсант, я цветовод-любитель. Прошу не путать.

Я, если хочешь знать, землю украшаю. Обо мне даже в газете писали (А. Вампилов «Прощание в июне»).

Здесь вопрос «как коммерция?» предполагает пресуппозицию «ты коммерсант», реакцией на которую и является речевой ход «самономинация».

Поскольку речевая тактика нередко состоит из нескольких ходов, то необходимо упомянуть о функции самономинации внутри репрезентируемых ею тактик. В ходе исследования было обнаружено, что типичной для нее ролью является причина/аргумент (в рамках частных тактик). Формальное доказательство – лингвистический эксперимент (изменение синтаксической структуры предложений и возможность поставить между ними союзы так как, потому что, поскольку). Так, во втором из приведенных выше примеров структуру предложений можно изменить следующим образом:

Я никому не доверяю, так как я – единственный человек, на которого я еще могу положиться.

Кроме того, гипотетически можно предположить, что в ряде случаев самономинация может быть центром тактики «самопрезентация», однако данное положение еще требует дополнительного исследования.

Таким образом, в ходе анализа некоторых лингвистических особенностей речевого хода «самономинация» и репрезентируемых им тактик мы пришли к следующим выводам:

1. Данный речевой ход является многофункциональным и может репрезентировать одновременно несколько тактик (общие и частные).
2. Существуют потенциально парные речевые тактики и ходы, отличающиеся устойчивой последовательностью при взаимодействии стратегических линий коммуникантов (в данном случае – «номинация – самономинация»), их количество ограничено.
3. Речевой ход может быть маркером пресуппозиции.
4. Речевой ход выполняет ряд функций внутри репрезентируемых им тактик, некоторые из функций являются устойчивыми и типичными. Для самономинации характерна роль причины/ аргумента (в пределах частных тактик), а также (гипотетическое предположение) иногда она может быть центром тактики «самопрезентация».
5. Наряду с распространенным в данной области путем исследования (от стратегий и тактик – к речевым ходам) в некоторых случаях может быть использован и противоположный путь (от конкретного речевого хода – к тактикам и стратегиям), который, прежде всего, продиктован большей конкретностью и доступностью речевого хода лингвистическо-

му анализу и, следовательно, возможностью более доказательных выводов.

Разумеется, данная работа не является исчерпывающей, и в связи с этим хотелось бы обратить внимание на некоторые из перспектив исследования, а именно: выделить структурные (грамматические) виды самонаминации, проследить связь с психологией и психопатологией (самонаминация при психических отклонениях), включить в исследование примеры из разговорной речи, проанализировать перлокутивный эффект данного речевого хода (что необходимо для обоснования ряда выводов), место и вес самонаминации в рамках тактики/ стратегии «самопрезентация», изучить использование данного речевого хода конкретной языковой личностью.

ПЫТАННІ БЕЛАРУСКАЙ ЛЕКСІКАЛОГІІ Ў «ЛЕКСІКОНЕ» ПАМВЫ БЯРЫНДЫ

М. В. Рымдзёнак

Памва Бярында – вядомы вучоны, лексікограф п.п. XVII ст. Яго праца «Лексіконъ славеноросскі» – важная крыніца вывучэння слоўнікавага складу беларускай і ўкраінскай моў XVII ст. Мае яна вялікую каштоўнасць і як тлумачальна-перакладны слоўнік, у якім сродкамі старабеларускай лексікі раскрываецца змест царкоўнаславянскіх слоў. У ёй змяшчаецца «каля 7 тысяч слоўнікавых артыкулаў : больш за 4 тысячы агульнаўжывальных слоў і каля 2 тысяч слоў, якія ахопліваюць уласныя імёны і розныя назвы іншамоўнага паходжання» [1, с. 133].

Акрамя таго, што «Лексікон» каштоўны як лексікаграфічная праца, нам ён падаецца цікавым у плане гісторыі лексікалогіі. Канешне, відавочна, што ў часы Бярынды лексікалогіі як навукі яшчэ не існавала. Аднак, працуючы са слоўнікавым матэрыялам, ён не мог не заўважыць наяўнасці ў слова некалькіх значэнняў або супадзенні розных слоў на гукавым, марфалагічным, арфаграфічным узроўнях. Як жа адлюстраваліся такія яго назіранні ў слоўніку?

Звернем увагу на такія з’явы, як мнагазначнасць, аманімія і сінанімія.

Як вядома, зараз ў слоўніках дэфініцыі мнагазначнага слова падаюцца ў адным артыкуле, а амонімы афармляюцца як асобныя слоўнікавыя артыкулы, таму што «мнагазначнасць – гэта здольнасць слова набываць некалькі значэнняў, а аманімія – падабенства розных слоў на лексічным, фанетычным, марфалагічным або арфаграфічным узроўнях» [4, с. 20].

Мнагазначныя словы, як і належыць, Бярында падае ў адным слоўнікавым артыкуле, напрыклад: **Вражда:** *ворогованье, гнѣвъ,*